

Проблема языковой эволюции в лингвистической концепции Шарля де Бовеля (1479-1565)

Елена Николаевна Михайлова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, emikhailova@yandex.ru

Ключевые слова: differentia, varietas, эволюция языка, причины языковых изменений
Key words: differentia, varietas, evolution of language, the causes of language change

В историографии лингвистики существует прочная традиция связывать постановку и решение проблем языковой эволюции с теорией и методологией сравнительно-исторического языкознания, в связи с этим появление диахронической лингвистики как особой области научных исследований принято датировать началом XIX века. Что касается многовековой предшествующей традиции, то о ней принято говорить как о подготовительном, «донаучном» этапе языкознания. Между тем в истории научной мысли можно найти немало концепций, в которых были не только обозначены, но и оригинально и по-своему убедительно решены проблемы языковой эволюции, при этом в истории лингвистической мысли прослеживается очевидная преемственность идей в разработке этой проблематики.

К числу мыслителей, попытавшихся проникнуть в тайну языковой эволюции, принадлежит и Шарль де Бовель (1479-1565), французский гуманист, научная деятельность которого приходится на первую половину XVI века. В истории науки де Бовель предстает как один из «титанов Возрождения», оставивший заметный след в философии, теологии, математике, медицине, филологии. Многогранность научной деятельности де Бовеля как одного из наиболее плодотворных ученых своего времени впервые была освещена в исследовании П.А. Мишеля [Michel 1936]. В 1979 г. в связи с 500-летием со дня рождения гуманиста на его родине, в Нуайоне, состоялся международный конгресс, участники которого попытались охватить все грани его богатейшего научного наследия [Charles de Bovelles 1979].

В историю лингвистической мысли XVI в. де Бовель входит как автор оригинального по замыслу и решению трактата под названием “*Liber de differentia vulgarum linguarum et Gallici sermonis varietate*” (О различии народных языков и разнообразии французского языка).

Прекрасное знание языков де Бовель получил благодаря как своим феноменальным способностям, так и благодаря возможности быть учеником величайших эрудитов своего времени. Будучи уроженцем Пикардии, он получил образование в Париже, в коллеже Кардинал-Лемуен, где в то время преподавал Жак Лефевр д’Этампль (1450-1537) – один из самых известных ученых Европы конца XV - начала XVI в., предтеча гуманизма во Франции. Биографы де Бовеля отмечают, что в пору ученичества он проявил незаурядные способности, что сравнительно скоро позволило ему стать широко признанным, несмотря на молодость, ученым. Уже в двадцать два года он начал преподавать в одном из престижных в то время учебных заведений – в Коллеже Парижского университета [Dumont-Demaizière 1983: 136-137]. В 1503-1505 гг. де Бовель много путешествовал, посетил Швейцарию, Германию, Бельгию, Испанию и, конечно, Италию, которая воспринималась тогда гуманистами и как колыбель античности и как средоточие интеллектуальной жизни тогдашней Европы.

Известный в свое время прежде всего как талантливый математик и философ, подобно многим гуманистам, де Бовель обратился к проблемам языка в связи с необходимостью постижения человека как части мироздания. Когда он приступил к написанию своей книги о языке, он десять лет как оставил Париж и жил в Пикардии, в небольшом городке Нуайон, где вдали от столичной суеты и треволнений, связанных с наступлением Реформации, сосредоточился на научных занятиях [Dumont-Demaizière 1983: 160]. О том, что талантливого ученого, сравнительно недолго возвращавшегося среди столичных интеллектуалов, к тому времени не забыли, говорит тот факт, что трактат, написанный им в провинции, был опубликован в Париже в типографии самого известного во Франции издателя, специализировавшегося на трудах филологического содержания, знатока античной словесности – Робера Этьена. Написанный в духе времени на латинском языке, этот трактат сравнительно невелик по объему (144 страницы). Как видно из авторского предисловия, работа над рукописью была закончена 5 сентября 1531 г. Опубликован трактат был в начале 1533 г. (на последней странице издания указана точная дата выхода книги из-под типографского пресса: 4 февраля 1533 г.).

Полное название трактата де Бовелем довольно тяжеловесно, вместе с тем оно соответствует канонам научной традиции того времени: “*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum*” (= Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен). По сути это три разные работы, собранные в одну книгу: первая часть трактата (*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate*) посвящена вопросам теории и истории языка. Во второй части (*Tabulae breves Gallicanarum vocum, docentes quaenam earum factitiae et arbitrariae, vel barbarae sint et quae ab origine latina manarint*) предпринята попытка создания этимологического и исторического словаря французского языка. В третьей части трактата (*De hallucinatione Gallicanorum nominum*) проблемы этимологии решаются сквозь призму французской топонимики.

Знакомство с содержанием трактата показывает, что воззрения де Бовеля на язык являются естественным продолжением западноевропейской лингвистической традиции. Во-первых, античной традиции, поскольку именно античными мыслителями проблема языковой эволюции была не только явно обозначена, но и получила достаточно интересные решения (см.: [Тронский 1973; История лингвистических учений. Древний мир 1980]). Во-вторых, де Бовель выступает продолжателем средневековой научной традиции (см.: [История лингвистических учений. Средневековая Европа 1985; История лингвистических учений. Позднее Средневековье 1991]), которой также не чужда была эта проблематика. Достаточно вспомнить опыт Исидора Севильского, предложившего одну из первых периодизаций истории латинского языка. То новое, что де Бовель привнес в понимание изменчивой природы языка, связано с выходом его концепции за рамки классической дихотомии «латинский / греческий языки» благодаря привлечению новых языковых фактов, ранее не подвергавшихся осмыслению. Сложившаяся к тому времени в Западной Европе ситуация многоязычия в сфере устного общения, а также билингвизм письменной культурной традиции немало способствовали тому, чтобы попытаться осознать такое положение вещей.

Стремление понять причины многообразия языков мира и разнообразия мира родного языка привело де Бовеля к необходимости обозначить круг проблем, которые в дальнейшем составили основу лингвистической программы французского

Возрождения. Это проблема происхождения французского языка, вопрос о его связи с латинским и другими европейскими языками, проблема языковой вариативности и связанная с ней проблема языковой правильности.

Трактовка большинства поднимаемых де Бовелем проблем связана с пониманием им языка не столько как системы, хотя в его трактате широко используется термин «архетип» (*idea*), сколько как совокупности слов. Иначе говоря, в истории лингвистической мысли его концепция является классическим примером атомизма, что и обусловило его приверженность воззрениям тех ученых, которые видели в языке не аналогию, а аномалию.

Де Бовель является одним из первых во Франции гуманистов, обратившихся к проблеме происхождения французского языка и попытавшихся дать ей научное обоснование. Как известно, в эпоху Возрождения истоки французского языка гуманисты чаще всего возводили к латыни, решая таким образом один из вопросов защиты и прославления родного языка. С одной стороны, это было связано с высоким социальным статусом латыни, а, с другой стороны, – с обилием латинизмов в словарном составе французского языка, что давало основание утверждать, что он «сделан» из латинского.

Позиция де Бовеля в этом вопросе является более взвешенной, чем у большинства гуманистов, последовательно и целенаправленно искавших истоки французского языка в латинском или в одном из древних языков – древнегреческом, древнееврейском, галльском и даже фламандском. Широко используя исторические факты, создавая тем самым прецедент «очерка внешней истории» французского языка, де Бовель предлагает версию, предвосхищающую современную теорию стратов. В частности, он пишет: «Французский язык является большей частью смешанным, поскольку имеет в своем составе большое число чужих слов» [Bovillus 1533: 3]. Убедительные аргументы в пользу этого положения он находит в географических названиях Франции и в этимологии 623 французских слов. И хотя проверку временем выдержали далеко не все установленные им этимологии (о чем не без сожаления писали в свое время К. Демезьер и К. Шмитт [Demaizière 1973, 1983; Schmitt 1976, 1982]), сделанные де Бовелем наблюдения стимулировали научный поиск в указанном им направлении. В частности, они были продолжены в работах Р. Этьена (напомним, что трактат де Бовеля был отпечатан в его типографии), а затем его сына А. Этьена, а через их труды эти идеи стали достоянием тех, кто интересовался проблемами языка.

При ближайшем рассмотрении приводимых де Бовелем аргументов можно увидеть, что собранный им материал подвергается анализу с опорой на метод установления языковых соответствий, или принцип языкового релятивизма – универсальный для филологических штудий эпохи Возрождения. Безусловно, этот метод еще далек от совершенства, но представленные де Бовелем франко-латинские параллели, а также объяснения произошедших в словах преобразований дают основание говорить о том, что им использовался по-своему строгий метод, который в известном смысле близок сравнительно-историческому. Вот несколько примеров, показывающих логику рассуждений французского гуманиста: «*Bien* восходит к наречию *bene*, буква *e*, как часто случается, преобразуется в *ie*» [Bovillus 1533: 53]; «*Chose* парижанами и бельгийцами произносится как *Cose*, [это слово] восходит к латинскому *causa*, ведь дифтонг *au* часто переходит в *o*, как, например, *raupere* – *poure*» [Bovillus 1533: 56]; «*Debuoir* восходит к *debere*, так как буква *B* преобразуется в *V*» [Bovillus 1533: 58]; «*Queual*, или *Cheual*, или *Caua*, восходит к латинскому *caballo*. Латинские слова, начинающиеся с буквы *C*, у бельгийцев начинаются на *Q*, а у парижан на *Ch*» [Bovillus 1533: 76].

Проблема происхождения французского языка в концепции де Бовеля тесным образом связана с проблемой классификации языков, при этом в поле зрения французского гуманиста попадают в основном языки Западной Европы. Классификация языков мыслится им как некая иерархия, вершиной которой, своего рода эталоном, является латинский язык; близкими ему по своему словарному составу признаются итальянский, французский, испанский, которым противопоставляется немецкий язык [Bovillus 1533: 5]. Как видим, воззрения на семью романских языков у де Бовеля несколько отличаются от классификации, предложенной за два века до него Данте Алигьери, согласно которой латинский язык стал основой для трех языков Европы: *langue de si*, *langue d'oc*, *langue d'oïl*. Причина этого нового видения проблемы (или трансформации классификации Данте при условии, что де Бовель был знаком с текстом его трактата "*De vulgari eloquio*", впервые опубликованного в 1529 г. в Венеции в переводе на итальянский язык) связана с изменением языковой ситуации в Западной Европе. Как известно, к началу XVI в. в глазах французов, носителей *langue d'oïl*, провансальский язык (*langue d'oc*) утратил былое величие и, соответственно, статус литературного языка с некогда богатой письменной традицией, что было обусловлено процессом формирования единого французского национального государства. Парадоксально, но, признавая исключительное разнообразие французского языка, де Бовель полагает, что это все же единый язык, хотя и слишком «разнообразный» и «изменчивый». Он пишет: «Как показывает нам опыт, французский язык приобретает в себе самом очень большое разнообразие, до такой степени, что в настоящее время во Франции имеется столько же наречий и языков, сколько народов, провинций и городов» [Bovillus 1533: 5]. К этой мысли на страницах своей работы он возвращается неоднократно, подкрепляя ее всякий раз новыми примерами. При этом де Бовель не ограничивается в своих рассуждениях рамками французского языка, а стремится показать, что явление изменчивости типично для всех языков мира: «Этот процесс происходит также у всех наций под небесным сводом» [Bovillus 1533: 6].

Причины изменчивости языка де Бовель видит, с одной стороны, в «человеческом произволе, в его стихийности и разнообразии» [Bovillus 1533: 3]. С другой стороны, в числе причин, которые «портят и разнообразят народные слова» он называет «время, место и расположение планет» [Bovillus 1533: 3]. Как видим, в концепции де Бовеля причины языковой эволюции сводятся к «человеческому фактору», территориальной и исторической изменчивости языка, что и с позиций современной лингвистики выглядит безупречно. Что же касается формулы *ab horoscopo caeli*, часто упоминаемой на страницах трактата, то сегодня она представляет собой интерес исключительно как реликт ренессансной научной парадигмы. Как известно, для эпохи Возрождения такое объяснение считалось вполне убедительным, поскольку астрология в то время занимала одну из верхних ступеней в иерархии научного знания и рассматривалась как высшая наука, позволяющая постичь скрытые от непосредственного наблюдения связи явлений, дать единое истолкование Универсума [Ревякина 2000].

Признавая неизбежность языковой эволюции, де Бовель разделяет мнение многих своих авторитетных предшественников, полагавших, что любое изменение языка есть не что иное, как его порча. На этом основании он приходит к выводу о том, что поиски каких-либо правил в «вульгарных языках» (*vulgares linguae*) бесполезны и бессмысленны. Именно потому, что в среде гуманистов долгое время бытовало мнение о невозможности создания грамматических описаний для живых языков, в первой половине XVI в. во Франции была создана лишь одна грамматика французского языка, автором которой был Ж. Дюбуа (1531). Де Бовель пишет свой трактат в тот же период времени, но воззрения на язык у него заметно отличаются от воззрений Дюбуа.

Последний использовал в качестве модели для описания французского языка считавшиеся тогда классическими грамматики Доната и Присциана, из чего следует, что им двигало желание увидеть в этом живом языке систему и доказать, что в нем действуют те же законы аналогии, что и в языках «грамматических», т.е. в латинском, греческом, древнееврейском. Подход де Бовеля к объяснению фактов языка совершенно иной: для него на первом месте в осмыслении природы языка стоит не аналогия, а аномалия. Отсюда естественный для него вывод о невозможности заключить живой язык в рамки канонической схемы грамматики.

Раскрыть логику рассуждений де Бовеля и понять, насколько важным было решение этого вопроса в начале XVI в., причем не только во Франции, но и за ее пределами, позволяет глава L, в которой де Бовель приводит свои аргументы, доказывая невозможность создания для народного языка грамматики наподобие латинской. Излагая содержание своей полемики с известным немецким ученым Иоганном Тритемием, с которым он познакомился в 1504 г. во время своего путешествия по странам Европы (1503-1508 гг.), де Бовель рассуждает о невозможности создания для «вульгарных» языков грамматики наподобие латинской. В частности, он пишет: «Когда я был в Германии в гостях у Иоганна Тритемия, в то время возглавлявшего Шпангеймское аббатство, я небезосновательно посмеялся над ним, когда он поделился со мной своими планами на будущее, предполагая заняться бесполезным и бессмысленным занятием. Когда однажды в дружеской беседе разговор случайно коснулся народных языков, Тритемий, нимало не смутившись, пообещал сделать нечто, что было выше его сил: он возомнил себя в силах украсить немецкий язык (*Germanica lingua*) выработанными им правилами, чтобы таким образом уподобить этот язык латинскому» [Bovillus 1533: 44-45].

Как известно, полемика между аналогистом Ж. Дюбуа и аномалистом де Бовелем завершилась не в пользу последнего. Но все же нельзя забывать о том, что между датой публикации первой французской грамматики (1531) и началом подлинной грамматизации французского языка (1550) лежат долгие двадцать лет, что само по себе достаточно убедительно показывает, сколь сильны были позиции аномалистов в начале этого пути.

Итак, через рассмотрение того, каким образом де Бовель трактовал проблемы языка, становится понятным, что его воззрения представляет собой целостную лингвистическую концепцию, в основе которой лежит идея языковой эволюции. Оригинальность этой концепции определяется привлечением нового языкового материала, наличием по-своему строгой методологической базы, стремлением автора не только дать описание интересных с его точки зрения фактов языка, но и найти им убедительное объяснение. Обозначенный в трактате де Бовеля комплекс проблем лег в основу лингвистической программы французского гуманизма и послужил отправной точкой в решении насущной для эпохи Возрождения задачи – осмысления сложной и противоречивой природы языка.

Литература

- История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
 История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
 История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб., 1991.
 РЕВЯКИНА Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.
 ТРОНСКИЙ И.М. Основы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
 BOVILLUS CAROLUS. Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrarie vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum. P., 1533.

CHARLES DE BOVELLES et son cinquième centenaire 1479-1979 : Actes du colloque international tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982.

DEMAIZIÈRE C. Charles de Bovelles. Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française. P., 1973.

DEMAIZIÈRE C. La grammaire française au XVI-e siècle : Les grammairiens picards. P., 1983.

MICHEL P.H. Un humaniste picard : Charles de Bovelles // Revue des études italiennes, t.I. P., 1936. p. 176-187.

SCHMITT C. Charles de Bovelles, *Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française* (1533), une source importante pour l'histoire du vocabulaire français // Travaux de linguistique et de littérature (14). P., 1976. P. 129-156.

SCHMITT C. Bovelles linguiste // Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479-1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982. P. 247-263.

Abstract

The article deals with the points of view on the language of Charles de Bovelles (1479-1565), an outstanding representative of the French humanism of the early 16th century. An issue of the historical evolution of language and of the causes of language change as treated by the scientist in his peculiar way is in the focus.